

И. Ясулович
(Пимен),
А. Феклистов
(Борис)
и М. Жигалов
(Басманов)

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Маски самозванства

Урок театральной геометрии Деклана Доннеллана

Общая газета. 2000. — 22-28 июня. — с. 10

АНГЛИЙСКИЙ режиссер — знаток геометрии сцены. Упрямые прямые линии мизансцен чертят прямоугольники и квадраты, ромбы и треугольники. Актеры то замирают по краям или в середине сценической площадки, то ходят взад-вперед, вслед или навстречу друг другу. Строгие, аскетичные линии — что может лучше соответствовать патетике поэтического текста? Но высокие строфы стремятся к вертикали. Прямые стелются вдоль поверхности пола. Строгость формы и прямолинейность содержания — таков стиль Доннеллана. Режиссер не изменил себе и в постановке пушкинского «Бориса Годунова». Мировая премьера спектакля состоялась под эгидой Международной Конфедерации Театральных Союзов.

«Борис Годунов» Деклана Доннеллана похож на актуальный телевизионный репортаж. Какой-то проходimeц незаконно захватил власть, его норовит вытеснить с трона еще больший подлец. Кстати, трон — единственная деталь сценографии, напоминающая о стародавних временах (художник Ник Ормерод). Вся остальная обстановка и костюмы будто куплены по соседству. Отстал от жизни только летописец Пимен (Игорь Ясулович) — строчит не на компьютере, а на подержанном «Ундервуде». Но среди микрофонов, мониторов и пишущая машинка покажется гусиным пером.

Доннеллан отказывается в обаянии всем пушкинским героям. Отвратителен и мерзок Борис (Александр Феклистов) — наглый прощелыга, упивающийся властью, словно наркотическим дурманом. Покурирует, противно топорща мизинец, довольно запрокиды-

вает голову. Муки совести такому неведомы. Докучают только галлюцинации — время от времени по сцене медленно проплывает призрак «дитя окровавленного». Кончина такого царя — истерика труса, преждевременно принявшего поражение.

Григорий Отрепьев в исполнении Евгения Миронова — существо, склонное к метаморфозам. Миронов свободно и незаметно вводит своего героя то в один, то в другой образ. Самозванец и дерзко бунтует, демонстрируя необузданный темперамент, и пластично мимикирует, приспосабливаясь к обстоятельствам. Чернец, разбуженный ночным кошмаром, — трусливый и угодливый мальчишка. Вздумал совершить великий подвиг и весь задрожал от страха — большие дела такому не по плечу.

Экстремальные обстоятельства откроют в нем недюжинные силы, но вскоре он опять превратится в того же жалкого мальчишку, боязливо гадающего о своей участи. Способности к переменчивости как нельзя более пригодятся в сцене у фонтана. (Фонтан — открытый люк в сцене с спрятанным в глубине бассейном, куда то и дело ныряют актеры). Марина Мнишек (Ирина Гринева) — волевая соблазнительница, лихо повелевающая жертвой. Самозванец то ластится, то щетинится, ловко уваливая от власти Марининых чар. После свидания мелочный Лжедмитрий суетливо подбирает из воды свои монетки. А каким гоголем казался, когда закидывал в фонтан презренное серебро! Увертливый характер Самозванца столь достоин, что порой даже не важно, какой на нем костюм — модный смокинг, спецназовская фор-

ма или старинные одежды. Чего не скажешь о других героях спектакля, превращенных в номенклатурных работников, щеголяющих в пиджаках с иголочки.

В «Борисе Годунове» Доннеллана костюмы не только диктуют определенные образы (как, например, генеральский мундир на Михаиле Жигалове в роли Басманова), но порой и переигрывают актеров. Юродивый (Александр Ленков) предстал беспечным клоуном. Вериги заменила связка банок из-под пива, железную шапку — строительная каска. Сцена свелась к демонстрации погребушек. Важный для Пушкина эпизод обличения незаконного властителя божим человеком формально проскочили и понеслись дальше.

Внешним антуражем осталась и апелляция к религии. Спектакль начинается пением молитвы — массовка в монашеских рясах на протяжении действия возникает еще несколько раз. Но ни о каком высшем суде в спектакле нет и речи. Ни к чему сомнения и размышления. Все просто и ясно — один волк пожирает другого, человечество живет по законам джунглей.

В «Борисе Годунове» нет ни одного исполнительского прокола. Актеры играют честно, в рамках поставленных задач они и точны, и убедительны, и органичны. Только задачи эти элементарны, как аксиома о том, что через две точки можно провести всего одну прямую. Нарушает законы постановки только Евгений Миронов. Его полетная игра успешно противостоит режиссерской заданности.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА